

Лена Ди

В сумерках

Посвящается НГТ

Глава 1

Доктор Александр Родин, высокий брюнет средних лет, стоял в кабинете главврача, прислонившись к окну. Собрание затягивалось, от монотонной речи главврача клонило в сон и доктор, стараясь подавить зевок, лениво поглядывал во двор.

Там было по-прежнему жарко, хотя часы уже показывали начало пятого. Белое январское солнце отражалось в пыльной гальке центрального подъезда — круга с фонтаном посередине — и от такого яркого света болели глаза.

Огромный парк, по крайней мере та его часть, которая просматривалась из окна, казался безлюдным. На расходящихся веером песчаных дорожках и пустых скамейках царило солнце. Вековые платаны, обычно накрывающие их густой тенью, растеряли половину своей листвы, и лучи беспрепятственно проникали сквозь переплетенные ветви.

Начавшееся холодными дождями в декабре, лето брало реванш за каждую пролитую каплю, чем доставляло медперсоналу немало хлопот. Этот неврологический санаторий специализировался на реабилитации больных, перенесших инсульт. С палочками, на колясках, поддерживаемые сиделками и родственниками, они приезжали сюда в надежде восстановить свои двигательные и коммуникативные функции и оставались лечиться на долгие месяцы. В другую погоду, отдыхающие уже бы давно гуляли в парке, но сейчас больные сосуды с жарой не ладили, и вся жизнь санатория проходила под монотонный гул кондиционеров. Привычные променады возобновлялись лишь под вечер, когда солнце вынужденно спускалось за густую стену деревьев и наступала спасительная прохлада.

Появление из-за поворота блестящего бежевого ягуара отвлекло внимание доктора от созерцания выгоревших газонов. Автомобиль плавно подкатил к крыльцу, и Родин, с восхищением скользнув взглядом по его элегантным, словно мраморным линиям, тихонько присвистнул. Красавец!

Такой автомобиль говорил о статусе владельца больше, чем банковский счет, и мог принадлежать только мужчине. Возникший в

воображении образ пожилого широкоплечего красавца с седой шевелюрой и выкрученными артритом суставами был правдоподобен, и, прилипнув лбом к стеклу, Родин сконцентрировался на водительской дверце.

К его разочарованию, из нее вышел, а вернее выскочил, какой-то странный подросток. В коротких шортах и широкой рубаше на выпуск, его худая фигура казалась бесформенной, и Родину пришлось напрячься, чтобы разглядеть в нем женщину. Она была подстрижена под мальчика и выглядела моложавой, хотя молодой уже не была. Мелкие черты узкого лица придавали ей схожесть с хорьком, и не ошибись доктор в первый раз, он мог бы поспорить, что у нее длинные и обязательно желтые зубы.

Мелькнув острыми коленками, водитель оббежала машину и остановилась у задней двери. Заглянула внутрь и дернула ручку.

Родин затаил дыхание. В глубине салона виднелись парусиновые брюки, их обладателем мог быть кто угодно, в том числе и широкоплечий старик. Но протянутая из салона полуобнаженная рука принадлежала женщине. Поддерживаемая водителем, она с трудом вышла из машины и оперлась о дверцу. У неё были густые рыжие волосы, красивая посадка головы и слегка опущенное левое плечо. По неестественно согнутой

левой руке и сжатыми в кулак пальцам, было понятно, что она перенесла инсульт. Родин окинул новоприбывшую опытным взглядом, и с уверенностью поставил диагноз: частичный паралич.

За время поездки её тело, по-видимому, затекло, потому что, отправив спутницу в корпус, она осталась стоять у машины. Одета она была просто, но стильно: широкий бирюзовый блузон, белоснежные брюки и открытые босоножки. По тому как женщина осматривалась, можно было догадаться, что приезд в санаторий ее не радовал, и заметь малейший непорядок, она бы не колеблясь уехала прочь. Однако ухоженная территория выглядела безукоризненно и, подняв голову, незнакомка перенесла внимание на здание. Она оказалась немолода, но красива, с высоким лбом и правильными, выразительными чертами лица. В её глазах читалось мятежное беспокойство, и, пристально взглядевшись в ее лицо, Родин непроизвольно содрогнулся. Облик женщины был знаком ему до боли.

Тем временем ее спутница выкатила из здания кресло-коляску, и новоприбывшая, слегка прихрамывая на левую ногу, опустилась в нее. На колени, прикрыв парализованную руку, она поставила большую кожаную сумку в тон блузона, на глаза опустила очки. Ее спутница уверенно

направила коляску к пандусу и исчезла внутри.

Доктор Родин с сожалением перевел взгляд обратно в кабинет. Заведующий санаторием, поджарый мужчина пенсионного возраста, начал закругляться, чем моментально привел подчиненных в состояние низкого старта.

— И наконец, самая важная новость! — предупредительно поднял он руку, в последний раз призывая к вниманию. — Сегодня к нам в санаторий приезжает новый пациент!

Он сделал паузу, рассчитывая услышать удивленные возгласы, но вместо этого увидел только недоумение. Поразить сотрудников санатория новым подопечным было сложно, и заведующий, поняв, что неудачно выразился, пояснил:

— Нет, нет, вы не поняли. Не просто пациент, а очень известный пациент. К нам приезжает мисс Наташа Майлз! — с видимым удовольствием произнес он. — Да-да, та самая, актриса!

Услышав эти слова, Родин вздрогнул. Метнул взгляд на все ещё припаркованный внизу автомобиль и с запозданием понял, откуда он знал новую пациентку. В памяти всплыл промозглый осенний вечер, ветер и красавица, небрежно откидывающая назад рыжие волосы. Конечно! Это могла быть только она, мисс Наташа Майлз.

— Что с ней? — обратился он к заведующему

поверх голов коллег.

— Ишемический инсульт, три года назад, — ответил тот.

По его лицу было видно, что приезд такой знаменитости был для него лестен, и он готов был рассказать все, что знал сам. Но разомлевших подчиненных еще один парализованный пациент не интересовал и, махнув рукой, заведующий отпустил всех по домам.

Выйдя из духоты кабинета, Родин на минуту остановился. Внезапно появившийся в голове шум заглушил голоса коллег, в глазах стало темно. Ему хотелось побыть одному, и, быстро попрощавшись, он зашагал к себе.

Александр Родин работал в санатории уже семь лет, и, в отличие от остального приходящего персонала, жил в этом же здании, вернее, в его лечебном крыле. Наличие квартиры было основной причиной, по которой доктор согласился на эту работу. Обязанности заместителя главврача по медицинской части были несложными, а учитывая то, что кроме инсультников к ним в санаторий редко кто приезжал, ещё и крайне однообразными. По сравнению с его предыдущей работой заведующим неврологическим отделением центральной городской больницы эта должность была явным шагом назад, но в свое время она

показалась ему выходом из тупика. Он продал свой городской дом, прервал и без того немногочисленные знакомства и уехал начинать жизнь заново.

Городской человек, Родин на удивление легко привык к самодостаточной, вялотекущей жизни загородной клиники: пациенты приезжали надолго, и, единожды назначив курс лечения, врачам надо было только контролировать их состояние. Рабочий день оканчивался в четыре, так что оставалось достаточно времени для себя. Два раза в неделю он играл в гольф, редкими выходными ездил на море к маме. Еще чуть-чуть и он мог бы сказать, что снова счастлив: его жизнь была предсказуема, спокойна и скучна.

Но сегодня ощущение покоя покинуло его. К обычной досаде за потерянное на собрании время примешивалась непонятная тревога. Его сердце, восемь лет назад аккуратно завернутое в плотный кокон безразличия, тупо ныло, и Родин с удивлением почувствовал, как уже почти забытые воспоминания снова обретают запах, вкус, цвет.

Он прошел в ванную и открыл холодный кран. Нагревшиеся трубы оросили руки тёплой, как компот, водой, заставившей брезгливо дернуться назад. Несколько минут он бездумно следил за убегающей струей, потом перевел взгляд на зеркало. Оттуда на Родина смотрел уставший

сорокасемилетний мужчина. Он был равнодушен и одинок, и не имело смысла искать в нем еще такую недавнюю молодость.

От самосозерцания отвлёк голос в передней. Он выключил воду и вышел навстречу. В коридоре стояла Кларисса — молодая, цветущая блондинка с высокой полной грудью и тонкой талией. Секретарша заведующего, она была любовницей Родина, и сегодня вечером они договорились поехать на пляж.

— Ты что, ещё не готов? — прикоснулась она губами к его щеке.

На ней было полупрозрачное пляжное платье, под которым просматривался открытый купальник.

— Да у меня как-то голова разболелась. Может, завтра?

— Чепуха, — не дала отвертеться Кларисса. — Море тебя и вылечит. Собирайся.

Глава 2

Наташа Майлз медленно выдохнула и оперлась о подлокотник. Надо было подниматься и, навалившись всем весом на здоровую руку, она рывком встала с коляски. В этот же миг резкая, оглушающая боль пробила вдоль туловища. Отразилась размытыми кругами перед глазами, заломила гулом в ушах, так что актриса судорожно

ухватилась за край стола. Главное было не упасть, и, досчитав до десяти, она сделала глубокий, шумный выдох. Дождалась, когда уляжется дурнота, и только тогда открыла глаза. «Какое убогое жильё», — пробормотала она, обведя взглядом нарядную светлую комнату с высоким двухстворчатым окном и электрическим камином. В комнате было довольно много мебели: кровать, тумбочка, высокий кофейный стол, шкаф, два кресла, телевизор. Все выглядело новым и стерильно чистым, но Наташа недовольно поморщилась. За годы болезни стандартная обстановка подобных заведений успела надоесть ей до крайности и, еще раз критически осмотрев комнату, она повторила: «Какое убогое жильё». Осторожно ступая на больную ногу, она подошла к окну и отдернула занавески. Её номер выходил на задний двор, где сразу за небольшой площадкой начинался классический английский парк. Сквозь густые кроны кленов и дубов просматривались аккуратно подстриженные лужайки, песчаные дорожки и блестящее на солнце озеро. Это была идиллия, от вида которой Наташу передернуло. Она прикрыла окно и отошла к кровати.

В этот момент открылась дверь и в комнату, волоча за собой большой кожаный чемодан, вошла Рина.

— Неплохо, да? — с порога бросила она немного запыхавшимся голосом.

Наташа не ответила. Она рылась в брошенной на кровати сумке, нервно вынимая из неё таблетки, телефон, пудреницу. Искомое не было, и она с раздражением поглядела на свою спутницу.

— Посмотри как уютно, какие потолки! — бодро продолжала та. — Это ж дышать не надыхаться!

Рина говорила нарочито весело, как будто не замечала царившего в комнате настроения. Резкими, энергичными движениями она вынимала одежду из чемодана и, по-хозяйски встряхнув ее, вешала в шкаф. Делала она это с улыбкой, утвердительно кивая головой каждый раз, когда вешалка, легонько цокая, опускалась на перекладину.

— Ты увидишь, здесь все будет по-другому. Я говорила с главврачом — он просто душка! Обожает тебя и сам займется твоим лечением.

Наташа промолчала. Она уже нашла то, что искала, и теперь рылась в сумке по второму кругу. Неподвижной левой рукой она придавливала сумку к кровати, с нетерпением открывая здоровой рукой все отделения и замки.

— Может, не будем? — без особой надежды спросила Рина. Она наблюдала за поисками со все нарастающим беспокойством и, увидев, что еще

немного и Наташа разорвет сумку на части, в сердцах вырвала её из Наташиных рук. От напускной веселости не осталось и следа. Она плюхнулась на кровать и устало повторила:

— Не надо, а?

— Дай, — прохрипела в ответ Наташа.

В её пальцах была зажата с таким трудом добытая сигарета, и Рина, покачав головой, достала из кармана шорт копеечную зажигалку. Подожгла сигарету актрисы, потом закурила сама.

Несколько минут женщины молча выпускали дым. Серебристые колечки растворялись в воздухе тонкой дымкой, наполняя комнату призрачной паутиной покоя. Было тихо. В открытое окно залетал легкий летний ветер. С кровати виднелись верхушки деревьев. Они щекотали животы появившихся к вечеру низких ватных облаков, и те, покатываясь со смеху, вынужденно цеплялись друг за друга толстыми боками.

Наташа откинула голову и выпустила к потолку прозрачную струйку. На ее лице было разлито умиротворение, как будто заветная сигарета отпустила всю боль. Глянув на подругу, она чмокнула ее в щеку.

— Не волнуйся, все будет хорошо.

Та отмахнулась. Было видно, что она очень устала и знакомые обещания ее уже не вдохновляли. Она поднялась к окну, высунулась

наполовину и покрутила головой по сторонам. Свидетелей не было, и, сделав последнюю затяжку, Рина метким щелчком стрельнула окурков в одну из стоящих внизу мраморных ваз.

— Ну видом ты хотя бы довольна? — безо всяких надежд спросила она.

— Видом — да! — не задумываясь рассмеялась Наташа.

Смех прозвучал деланно, и Рина лишь скривилась в ответ. Подойдя к Наташе, она опустилась перед ней на колени и зарылась лицом в её широкие брюки.

— Будь молодцом, — прошептала она, крепко сжимая ноги подруги, — Лечись. Не кури. Тебе это вредно.

Ее горячее дыхание проникло сквозь тонкую ткань брюк мокрым паром, и Наташа брезгливо поморщилась. Зажав сигарету между тонкими пальцами, она провела рукой по обесцвеченному затылку Риной:

— Иди, уже поздно, я сама со всем разберусь.

В ответ на обнаженной шее дрогнули выпуклые позвонки, и, с трудом сдерживая раздражение, Наташе пришлось повторить свою просьбу:

— Иди. Мне надо отдохнуть.

Оставшись одна, Наташа ещё долго была

неподвижна. Неспеша докурила сигарету, зажгла следующую. Бесконечно долгий день, начавшийся в душной городской квартире и проведенный в последних сборах и поездке, подходил к концу, и Наташа наконец могла позволить себе расслабиться.

Она медленно поднялась с кровати и включила центральный свет. Позолоченная лампа в пять плафонов вспыхнула белым светом, и в комнате сразу стало ярко, как на сцене. В таком виде она нравилась Наташе гораздо больше и, обведя оценивающим взглядом полосатые стены, актриса обратилась в никуда:

— Ну что, Эндрю, как тебе наши новые декорации?

В ее поставленном с хрипотцой голосе дрожало иррациональное ожидание, но ответа не последовало, и Наташа с сожалением покачала головой.

За три года, прошедшие с того мгновения, когда злополучный сосуд лопнул в ее голове, Наташа побывала во многих санаториях и успела пережить всю гамму чувств от уверенности в скором выздоровлении до горького принятия своей инвалидности.

В первом санатории она лечилась не жалея сил. Воспоминание о тех болезненных массажах и

уколах, расползающихся по всему телу лиловыми пятнами, до сих пор вызывало у нее холодный озноб. Она терпела их, сцепив зубы, не сдаваясь и не жалуясь, потому что верила, что еще немного, и она снова вернется в театр. Инсульт, случившийся солнечным субботним утром в межсезонье, был досадным недоразумением, и надо было только хорошо полечиться, чтобы вернуться в строй. Её память по-прежнему была остра. Ее голос, покорявший критиков и поклонников, слушался свою хозяйку неукоснительно. Совершенный инструмент в руках виртуоза, он, как и раньше, мог одной интонацией вызвать и смех, и слезы, и дрожь, и неземное блаженство.

Оставалось восстановить лишь тело — это непреодолимое препятствие. Сильная женщина, она была беспомощна как ребенок. Каждый шаг требовал усилий, каждое движение приносило боль. Между первым шевелением пальцем и первым шагом лежал месяц ежедневных процедур, между первым шагом и возможностью самостоятельно пройти по палате — полгода. Впервые за последние тридцать лет театральный сезон начался без нее, и все её спектакли были сняты с репертуара на неопределенное время.

Актриса отчаянно работала на возвращение, пока однажды, в конце первого года, не поняла: обратного пути нет. Левая рука, пострадавшая от

удара больше всего, восстанавливаться отказывалась. Ее длинные пальцы были навечно сжаты в отвратительный скрюченный кулак, спрятать который было невозможно.

— Восстановление прежних функций после первого года маловероятно, — ровным голосом констатировал ее лечащий врач.

У него была гладкая, румяная кожа и тонкие светлые волосы. Он производил впечатление юного, уверенного в своем превосходстве над смертью воина, чьей естественной стихией была молодость. Разговоры с больными, в большинстве своем пожилыми людьми, его раздражали, и он всегда старался побыстрее поставить в них точку. Мисс Майлз исключением не была и, скучая, он в который раз пытался объяснить непонятливой пациентке, как ей повезло:

— Будьте довольны, что восстановились речь, мозговые функции, нижние конечности. Начните новую жизнь!

Какую именно новую жизнь она должна была начать, он не уточнял, а Наташа не спрашивала. Доктор, непробиваемый в броне своей цветущей молодости, был безразличен к ее надеждам и разочарованиям.

Единственным шансом на возвращение оставался Эндрю Крокер. Он был её режиссёром и другом, он вел ее за собой тридцать лет, и теперь

она нуждалась в нем как никогда.

В год, когда Наташа начала работать в театре, ей было двадцать, а Эндрю Крокеру пятьдесят пять.

Он был настоящим неистовым Роландом, как внешне, так и по характеру. Высокий статный красавец, широкий в плечах, элегантный и мужественный, Эндрю привлекал к себе еще и барской осанкой, громогласным голосом и бурлящим темпераментом.

Актеров он за людей не считал, и на репетициях орал на них с исступлением, способным обрушить центральную люстру и расколоть стены. «Когда же вы влезете в шкуру персонажа и перестанете его «изображать»?» — бушевал он.

Актеры нервничали: женщины плакали, мужчины регулярно отходили в кулисы сделать несколько нервных затяжек. Они ненавидели и боялись его, но уходить в другие театры не спешили. Эндрю Крокер был гениальным режиссером, и если в актере была хоть кроха таланта, он вытаскивал ее на свет Божий.

Наташино появление в труппе прошло незамеченным: ей дали два маленьких ввода в уже существующие спектакли и много массовок. Она была разочарована, но подчинилась установленному правилу: первые несколько лет молодой актер проводил на заднем плане.

Ее время пришло неожиданно, когда начались

репетиции «Укрощения строптивой» и Крокер поставил ее во второй состав на роль Катарины. Наташа обрадовалась, но не особо: в первом составе играла тогдашняя прима. Шансов, что она не справится с ролью, не было, и Наташе оставалось только следить за репетициями из темноты зала. Но, как часто это и бывает, вмешался случай: когда до премьеры оставалось меньше недели, прима слегла с ветрянкой. Откладывать готовый спектакль было финансово убийственно, и Крокеру ничего не оставалось, кроме как в отчаянии крикнуть: «Майлз, на сцену!»

Наташа ворвалась в спектакль вихрем, с выученным текстом и знанием всех мизансцен. Ее Катарина была неукротима, как степная лошадь, горда и неотразима. Напор, энергия молодости и страсть били из неё клокочущим фонтаном. На спектаклях зрители выли от восторга, театральные критики безоговорочно признали ее одной из талантливейших молодых актрис. Звезда Наташи Майлз взошла. Она стала визитной карточкой театра.

Потрясенный мощью ее таланта, Эндрю Крокер занял Наташу во всех своих постановках. Наташа ответила удесятеренной работой. Ее трудоспособность была колоссальна. Она доказывала свой талант каждый день, и Крокер, больше всего ценивший в артистах преданность

делу, сделал ее ведущей актрисой. Они полюбили друг друга, как отец и дочь, учитель и любимая ученица, режиссер и его идеальный артист. Зрелый мужчина, лев-самец в своем театре, он таял от одного ее появления, взгляда, присутствия на сцене. Она же — актриса уникального таланта — была в руках своего режиссера только инструментом, материалом, из которого можно было лепить все, что угодно.

Не знать о своей власти над мастером Наташа не могла, и будь разница в возрасте немного покороче, наверное, влюбилась бы в него. Но он был счастливо и долго женат, у нее бурлила своя любовная жизнь. Они слились только в творческом союзе и оставались верны друг другу на протяжении тридцати лет. Все приглашения в другие театры отклонялись категорически. Единожды признав над собой власть Эндрю Крокера, актриса шла за своим мессией всю жизнь. И сейчас он должен был её спасти. Она набрала знакомый номер и попросила о роли. На том конце повисло молчание.

— Можем попробовать усадить тебя винвалидное кресло и поставить «Письма Асперна», — наконец отозвался Крокер. В его голосе скрипели хриплые старческие нотки, как будто его жизненный механизм давно сносился и требовал смазки.

Наташа горько усмехнулась. Ещё год назад она готовилась сыграть мисс Тину, теперь же ей предлагалась парализованная Джулиана.

— Ну с этой ролью я справлюсь легко. Инвалидное кресло у меня уже есть.

Они начали репетиции по телефону. От Рины актриса знала, что за последний год Крокер сильно сдал и практически не появлялся в театре.

За репетициями следил по скайпу, организационные функции передал заместителям. Мысль, что время ее учителя подходит к концу, печалила актрису ещё больше, чем собственная немощь, и она с трепетом ждала их ежедневных бесед.

Но однажды, когда роль была практически готова и до первых репетиций в театре оставались считанные дни, он не позвонил. Вместо этого в её комнату вошла Рина с красными от слез глазами и крепко обняла Наташу за плечи.

Наташе оставалось только сдаться. Живи Крокер, она выползла бы на сцену даже полумертвая, она бы боролась с болезнью, как зверь, и победила бы, несмотря ни на что. Оставшись же одна, она признала поражение.

На возвращении в театр был поставлен крест. Она впала в апатию. Ее дух, сильный, непобедимый дух, рассыпался на множество осколков, собрать которые у неё не было больше сил.

Дни, когда у актрисы не было желания подняться с постели, случались все чаще. Слабость, наваливающаяся на глаза неподъемной тяжестью, не давала встать на ноги, непрекращающаяся ноющая боль растекалась по телу ядовитой ртутью. Все, что составляло смысл ее жизни, — искусство, сцена, работа — осталось позади. Будущее терялось в неизвестности.

Наташа оставила лечение и вернулась домой. Но от этого стала чувствовать себя еще хуже. За время болезни в ней появился панический страх одиночества. Она боялась оставаться без медицинской помощи, боялась упасть и не подняться. Верная Рина, недавно устроившаяся на новую работу, предложила уволиться и стать ее сиделкой, но Наташа, содрогнувшись, отказалась. Признаваться в подобном было стыдно, но с момента, когда она осознала всю глубину произошедшего с ней несчастья, компания Рины стала ей невыносима. Эта молодая, здоровая, преданная ей женщина вызывала в актрисе глухую, ничем не оправданную неприязнь. «Я дурной человек», — пыталась она разобраться в своих чувствах, но перебороть себя не могла. Актриса была зависима от Рины и не могла ей этого простить.

Вечерами, измучившись за целый день страхом одиночества, Наташа считала минуты до ее

прихода, а утром еле сдерживалась, чтобы не накричать. Рина терпела, оставалась заботливой и любящей, но от этого Наташа чувствовала себя еще хуже. Надо было что-то менять и, наведя справки, она уехала в новый санаторий. В этот раз она отнеслась к лечению прохладно. По-прежнему ходила на процедуры, но уже без энтузиазма, выслушивала докторов, но пропускала их доводы мимо ушей. Расставшейся с иллюзией о возвращении в театр, Наташе оставалось только следовать вялому течению жизни.

Желая разнообразить монотонное больничное существование, в один из приездов Рины актриса попросила у нее сигарету. Поиграла ею между пальцами и, поддавшись искушению, сделала глубокую затяжку. Организм узнал знакомую сладость никотина, передал ее к самым кончикам мизинцев, и в ответ волна расслабления растеклась по всему телу. Наташа умиротворенно улыбнулась: впервые за годы болезни она почувствовала себя как раньше. Тонкая белая тростинка легла коротким мостиком между нереальным настоящим и настоящим прошлым.

— Я должна была умереть, — мечтательно произнесла актриса вслух то, о чем постоянно думалось. — Тогда бы этот проклятый инсульт имел хоть какой-то смысл. Газеты бы напечатали трогательные некрологи, ты бы организовала

приличные фотографии. Так и вижу душещипательные заголовки типа «Длинная короткая жизнь».

Она на секунду задумалась.

— Надо будет продумать музыку для похорон. Хотелось бы что-то масштабное, с таким трагическим размахом.

Словно подавая вступление оркестру, она взмахнула здоровой рукой и пробасила:

— Та-та-та-да! Та-та-та-да! Что-то вроде этого.

— Замолчи! — не выдержала Рина. В течение этого ядовитого монолога, она смотрела на Наташу с таким ужасом, как будто речь шла о её собственных похоронах. — А как же я? Ты обо мне подумала?

Она разрыдалась. Сухая, уже морщинистая кожа моментально покрылась красными пятнами, острые косточки плеч спазмически задрожали. Наташа посмотрела на неё с жалостью и отстраненным сочувствием, недоумевая, как могла войти в её жизнь эта чужая женщина.

Они познакомились с Риной очень давно, когда та пришла устраиваться к Наташе секретарем. Между ними лежала пятнадцатилетняя разница в возрасте. Они были из разных слоев, с непохожими интересами и жизненным опытом. Холеная Наташа

любила дорогие изящные вещи, комфорт и достаток. Рина была маленькой и юркой, вела себя как пацан, была заядлым автомобилистом и своей в любой мужской компании.

Не очень умная, без особых манер и образования — обычная девушка с периферии — она работала четко, с журналистами и администраторами не церемонилась, и отстаивала Наташины интересы, как свои собственные.

Актрису немного коробила резкость интонаций и грубоватый юмор Рины, но одновременно ей импонировало отношение, в котором напрочь отсутствовало обожание поклонницы. Не обремененная строгим воспитанием и особой любовью к театральному искусству, Рина относилась к ней как любому другому работодателю, уважительно и ровно. Для Наташи, привыкшей к повышенному вниманию, даже обожанию, это было ново. Она посмотрела на Рину внимательнее и разглядела за внешностью «рубахи-парня» душевность, искренность и порядочность.

О себе Рина рассказывать не любила, о родителях упоминала вскользь, и представить картину ее жизни Наташа могла лишь фрагментарно. По тому как Рина радовалась сувенирам с гастролей, актриса догадалась, что в детстве та не получила любви, и эта мысль

почему-то ее взволновала. Впервые в жизни в Наташе проснулось нечто похожее на материнский инстинкт, и она полюбила Рину так, как могла бы любить взрослую дочь. Их отношения быстро превратились из рабочих в родственные. Они стали вместе проводить выходные и отпуска, ездить на гастроли, ходить по магазинам. Им было настолько хорошо вместе, что Наташа предложила Рине переехать к ней жить. Бульварная пресса разразилась недвусмысленными намеками, но Наташе было все равно: наконец-то в ее жизни появился родной человек, которому от нее ничего не было нужно.

Рина была первой, кого увидела Наташа, открыв глаза после инсульта. Благодаря ей она снова могла ходить, заново научилась самостоятельно есть, могла обслуживать себя. Наташа любила подругу всем сердцем, но в последнее время Рина была ей чужой. И сейчас, не в силах больше наблюдать за её истерикой, Наташа накапала им обоим успокоительное. Протянула подруге пластиковый стаканчик и заговорщически подмигнула:

— Вздрогнем?

Собственное существование казалось Наташе совершенной бессмыслицей. Дни, похожие на однородную желеобразную массу, были наполнены

одной только болью, забивающей любые желания кроме одного — закрыть глаза и больше не открывать. Традиционно летящая по жизни, она была вынуждена жить сиюминутным сегодня, не надеясь на завтра и не оглядываясь назад.

Она попыталась насладиться настоящим: дождем, солнцем, зеленью листвы. Но разум отказывался откликаться на эти маленькие радости, и пронзительный ветер безразличия очумело носился по ее сердцу.

Наташа перестала выходить из комнаты и проводила целые дни в полумраке зашторенных гардин. Снова начала курить. Запах дыма разносился по центральному кондиционеру, регулярно раздражая дымовые датчики и проникая в другие палаты. Администрация санатория, пересилив свое уважение к известной пациентке, вежливо, но твердо попросила ее уехать. Наташе было все равно, и, призвав на помощь верную Рину, она перебралась в следующее заведение.

Этот санаторий был четвертым по счету. Наташа приехала сюда с одним желанием: чтобы ее никто не беспокоил. Приговор судьбы был вынесен, осталось только дожидаться последнего часа. Но, как и в нескольких предыдущих клиниках, ее вызвался лечить сам главврач — услужливо заглядывающий в глаза почитатель её таланта — и актрисе пришлось намеренно показаться невыносимой. Она

категорически отказалась от назначенных процедур и попросила присылать ей еду в номер.

— Но как же так?! Совместный прием пищи является важной составляющей социальной реабилитации инсультников, — растерялся главврач. — Общение с больными, переживающими аналогичные проблемы, помогает принять собственную инвалидность, научиться жить с нею...

Все это Наташа слышала уже не один десяток раз и тратить силы на спор не собиралась.

— Да-да, конечно, вы правы, — с досадой прервала она его. — Но насчет еды все-таки распорядитесь.

Нетерпеливый жест кистью, которым она дала понять, что встреча окончена, был сродни тому, каким королевы отпускали своих подданных, и главврач выскочил в коридор как ужаленный:

— Ну и штучка к нам пожаловала, — донеслось до Наташи из-за плохо прикрытой двери.

Раньше подобное неуважение стоило бы главврачу места, но теперь актриса лишь пожала плечами. Ей было безразлично.

Глава 3

Санаторий, которым заведовал доктор Генри Штайн, принадлежал страховому фонду и

располагался на территории поместья, в течение трех поколений принадлежавшего семье торговцев недвижимостью с севера Австралии. Сэм Рейнхарт, нувориш и основатель семейства, купил эту землю в то время, когда деньги от золотодобычи лились рекой. Начав с нуля и став миллионером в двадцать девять лет, он хотел, чтобы усадьба была видимым доказательством его успеха, и не пожалел средств на ее строительство.

Большой трехэтажный дом был возведен в стиле английского классицизма. Центральный вход украшали внушительные колонны, на широкую лоджию второго этажа вели две полукруглые лестницы. Темно-серый камень, использованный при строительстве внешних стен, придавал только что законченному зданию многовековой вид, как будто особняк существовал еще до того, как корабли первых поселенцев причалили к необжитым южным берегам.

Внутреннее убранство было не менее изысканно: бальный зал, гостиные, библиотека и столовая выдержаны в спокойных бело-желтых тонах; просторные спальни с высокими лепными потолками и мраморными каминами обклеены обоями в сдержанную полоску. Сделанная по специальному заказу мебель из темного дерева дышала солидной роскошью.

Молодой владелец любил общество, поэтому

самую большую комнату особняка отвели под зал для приемов. По центру была устроена сцена, на которой разыгрывались любительские спектакли и играли музыканты. Тяжелые хрустальные канделябры отражались в зеркальном паркете яркими гроздьями, позолоченные потолки могли смело конкурировать с Версалем.

Вокруг дома разбили ландшафтный парк. Мелкая река, вьющаяся тонкой лентой по территории усадьбы, была перекрыта, благодаря чему образовалось озеро с извилистыми берегами и декоративными мостиками. Расчищенные от непроходимых кустов овраги покрыли толстым слоем густого дерна. На склонах высадили милые английскому сердцу клены, буки и дубы. Со временем эти деревца разрослись в густой, тенистый лиственный лес, изрезанный узкими прогулочными дорожками с частыми скамейками.

В течение девяноста лет усадьба, которой было дано громкое имя Рейнхарт Хауз, находилась во владении семьи. Но содержать ее становилось все дороже, и когда правительство в очередной раз подняло налог на землю, потомки Сэма Райнхарта продали дом с прилегающим к нему парком крупному страховому фонду.

Новые владельцы открыли в нем неврологический санаторий. Сохранив экстерьер особняка нетронутым, они сделали существенную

перепланировку внутри. К существующим лестницам добавили лифты; камины, теперь только декоративные, заменили центральным отоплением. Большие спальни разделили на несколько малых, часть гостиных переделали под процедурные. Бывший парадный зал стал столовой, библиотека — комнатой отдыха. Вместо мебели ручной работы комнаты заполнились практичными предметами из Икеи, отчего весь интерьер стал похожим на обстановку кукольного домика. Старинное здание утратило свой размах, но сохранило характер. Лепные потолки говорили о былой роскоши, высокие белые окна смотрели на округу с гордостью писаных красавцев.

Перпендикулярно к основному зданию был пристроен двухэтажный лечебный корпус. Фасадом он смотрел в парк, тыльной стороной — во двор. Помимо врачебных кабинетов в нем располагалась и служебная квартира, предназначенная для дежурного врача. Эту должность ввели после того как главврач, до этого совмещающий административные функции с профессиональными, решил, что ему нужен помощник.

К этому моменту санаторий, возглавляемый Штайном с момента открытия, уже имел хорошую репутацию, его социально-реабилитационные программы помогли десяткам больным. Штайн лично занимался наймом медперсонала, был в

курсе лечения всех пациентов. Но возраст брал свое, и шестидесятидвухлетний главврач решил, что пора делиться обязанностями.

Постоянно проживающий при санатории дежурный врач должен был стать его заместителем по лечебной части. Не видя подходящей кандидатуры среди своих подчиненных, главврач начал расспрашивать знакомых.

— Попробуй Родина, — посоветовал ему старый университетский товарищ, а ныне главврач центральной городской больницы Джерел Гасти. — Очень талантливый невропатолог.

Друзья обедали в больничном кафетерии, и красный сок с бифштекса придавал их тарелкам грубый первобытный вид.

— Родин, Родин... — фамилия звучала знакомо, и Штайн попытался вспомнить, где он ее слышал.

Гасти хохотнул:

— Его отец был у нас профессором на кафедре внутренней медицины, неужели забыл?!

Воспоминания студенческих лет всегда приводили его в хорошее настроение, и сейчас он жестом призвал собеседника напрячь память.

— Точно! — с облегчением согласился Штайн. Перед его глазами всплыл образ весельчака с круглой лысой головой и ямочками на щеках. — Профессор Виктор Родин. Он, кажется, рано умер.

— Мм, — кивнул коллега, запивая мясо. — В пятьдесят с хвостиком. Инфаркт. Его сын Александр заведует у меня неврологией.

Штайн подозрительно глянул на Гасти:

— Зачем же ты его предлагаешь? Или недоволен? Гасти оторвался от тарелки и, тщательно пережевав попавшийся хрящик, признался:

— И не предлагал бы, да он сам мне сказал, что увольняется. У него там какая-то семейная драма, хочет сменить обстановку. А жаль, двенадцать лет у меня проработал.

В раздумьях Штайн покачал головой:

— Скажешь, как с ним связаться?

Доктор Родин оказался совершенно не похож на своего весельчака отца. От его внешности веяло холодной сдержанностью, так что собеседнику непроизвольно хотелось подтянуть живот и расправить плечи. Все, что он говорил, было по существу, за скупыми словами читались ум и склонность к анализу. Несмотря на относительную молодость, он производил впечатление человека многое передумавшего и пережившего.

Генри Штайн оценил спокойную уверенность, исходящую от доктора, и, приняв во внимание рекомендации старого товарища, предложил занять должность своего заместителя.

Он не ошибся. Доктор Родин оказался опытным, знающим своё дело специалистом. Он был внимателен к больным, дружелюбен с коллегами. Возможно, ему не хватало общительности, но это был единственный упрек, который главврач смог бы ему предъявить. Несмотря на тесное общение на работе и совместные раунды в гольф, доктор Родин оставался для него такой же закрытой книгой, как и в первый день знакомства. «Себе на уме», — говорил про него Штайн, сожалея, что никто не идеален.

Александр Родин знал, что раздражает начальника своей нелюдимостью, но не придавал этому большого значения. Главврач был недалек и тщеславен, чем вызывал у Родина плохо скрываемое презрение. Прослужив всю жизнь в заместителях, доктор Генри Штайн использовал санаторий как площадку для самоутверждения, доказывая себе и окружающим, что он тоже может руководить. В санатории царили строгая дисциплина и тотальная отчетность, и если бы Родин относился к своим обязанностям хоть немного серьезнее, он бы уже давно уволился из этого пыльного заповедника.

Но уединенная жизнь вдали от города имела свое очарование, и доктор не собирался ее менять. Прогулки по огромному лесу, идиллические

утренние рыбалки на озере, предсказуемость завтрашнего дня приносили в его жизнь тот покой, к которому он всегда стремился, но редко имел.

Доставшаяся ему вместе с должностью служебная квартира была небольшой, но уютной и вполне удовлетворяла его скромным нуждам. Он перевёз с собой минимум мебели, предпочтя оставить все ненужное позади. Книги, от потрепанных учебников до сочинений любимых писателей, заняли всю стену и вместе со старым дубовым столом с оббитой кожей столешницей и массивным креслом превратили просторную комнату в мрачный кабинет. В маленькой спальне разместилась двуспальная кровать. Кухня, в силу того, что доктор большей частью питался в столовой санатория, стала площадкой для отработки ударов в гольфе.

Окна квартиры выходили в сад, разбитый во внутреннем дворе при перестройке усадьбы. Тут не принято было гулять. По какой-то причине руки садовников доходили до этого уголка крайне редко, и все растения выглядели сильно переросшими. Розовые кусты, благодаря свободе разросшиеся до размеров деревьев, перекрывали и без того узкие дорожки цветущими шлагбаумами. Дикий плющ, единожды попавший в благодатную почву, намертво обвивали одинокие скамейки цепкой лозой.

Этим летом вечерняя прохлада наступала позже, чем обычно, и Родин просиживал перед открытым окном кабинета до глубокой ночи. Аромат цветов наполнял комнату, отвлекал мысли и заставлял отложить традиционное чтение в сторону. Доктор поднимался с потертого кожаного кресла, унаследованного от отца, отодвигал в сторону белое полотно занавеси и подолгу стоял у окна.

Он так привык относиться к саду как к естественному продолжению своих скромных апартаментов, что, услышав в один из вечеров шаги на дорожке, невольно удивился. Часы показывали начало одиннадцатого. Серая июльская ночь уже успела притупить живость красок, благодаря чему окружающий мир был похож на невыразительное черно-белое кино.

Шаги звучали все ближе, кто-то приближался к его окнам и, увидев лицо незваного гостя, Родин удивился еще больше. Это была Наташа Майлз. Она шла прямо на доктора, и если бы не густой куст шиповника, закрывающий окно, уже бы давно заметила его. Их разделяло не более трех шагов, когда Наташа остановилась, нерешительно посмотрела по сторонам и опустилась на ближайшую скамейку.

У доктора перехватило дыхание. Он хотел было дать знать о своем присутствии, но, взглянув

на актрису, передумал. Во всей ее позе была такая отрешенность, что банальная вежливость выглядела неуместной. Бесцельно смотря перед собой, она поглаживала больную руку и время от времени поправляла сползающие очки. На ее бледном лице не было никаких эмоций, и эта неприкрытая пустота производила удручающее впечатление.

Родин вспомнил, как видел Наташу в последний раз. В тот вечер он решил дожидаться ее после спектакля и, завернув на узкую боковую улочку, остановился напротив служебного входа в театр. Высокие стеклянные двери то и дело открывались, из театра один за другим выходили артисты. Без грима, в обычной одежде они поражали своей посредственностью, и доктор чувствовал собственное, ничем не оправданное, превосходство над ними.

На улице стояла поздняя осень, поднятый воротник пиджака дрожал под напором периодически налетающего ветра. В надежде согреться Родин потягивал безвкусную сигарету. Проезжая часть, отделявшая его от дверей, постепенно пустела, и если бы не группа поклонников, по-прежнему ждущая у входа, можно было подумать, что актриса ушла незамеченной.

В этот момент из дверей вышла мисс Майлз. К ней сразу бросились за автографами, образовалась

давка, и Родин, не спеша смешиваться с толпой, остался наблюдать издалека. Сочность ее красоты была поразительна. Волнистые рыжие волосы были заложены бабетой, на кончиках изящных мочек дрожали бриллианты. Красивое, породистое лицо озаряла ослепительная улыбка примадонны, и даже сгустившиеся сумерки не могли скрыть возбужденный блеск ее глаз. Вокруг неё витала такая мощная аура успеха, что стоящий в одиночестве Родин погрузился. Наташа Майлз была обворожительна. Их разделяли какие-то пять метров, но даже на таком расстоянии она казалась недостижимее самой далекой звезды.

Подписав пачку фотографий, Наташа села за руль припаркованного недалеко от входа автомобиля. В последний раз улыбнулась собравшимся и уехала прочь. В этот же момент забытая сигарета обожгла Родину пальцы. Он дернулся от боли и отправил окурочек в канаву. Ему было холодно. Ему было плохо.

С тех пор прошло восемь лет, и доктор снова видел мисс Майлз. В этот раз она находилась к нему намного ближе, чем тогда, но казалась еще более далекой. Он кинул последний взгляд на скорбную фигуру на скамейке и бесшумно отошел от окна.

Глава 4

Следующий день был выходным, и доктор Родин с утра отправился навестить маму. Кларисса просила взять ее с собой. Но Родин, слишком хорошо понимающий причину ее желания, отказался. Несмотря на то, что его любовница была девушкой свободных взглядов, ей не терпелось оформить их отношения официально. Она намекала об этом в постели, в разговорах о будущем смело употребляла местоимение «мы». Родин не сомневался, что его рассматривают как наиболее вероятного кандидата в мужа, способного сделать предложение в любой момент. При таком раскладе, представление маме давало ненужные надежды, а обманывать пусть эмансипированную, но все-таки девушку, Родину не хотелось. Одиночество, периодически скрашиваемое женской лаской, его вполне устраивало. Никакая женитьба в планы не входила. Говорить об этом вслух было ни к чему, и, пообещав Клариссе обязательно взять ее с собой в следующий раз, он поехал в Брай один.

Этот курортный поселок находился на самом краю узкого полуострова, зажатом с трех боков бескрайней водной массой. Он был оцивилизован с материковой стороны (к причалу, построенному в конце центральной улицы, регулярно приставал пассажирский паром) и первозданен с остальных.

Скалистый, открытый всем ветрам океанский берег выступал из воды только на время отлива, и тогда полуостров можно было обойти с внешней стороны. Тонкий серпантин песка вел через скалы и соленые озера, пропадал под отполированными камнями и, постепенно расширяясь, оканчивался центральным пляжем на противоположной стороне перешейка. Местные жители советовали начинать прогулки с узкой части, чтобы с началом прилива было куда отступать, но легкомысленные туристы продолжали поступать наоборот, так что патрульной службе регулярно приходилось снимать их с торчащих в нескольких метрах от берега скал.

Миссис Дидра Родин жила в Брае двадцать шесть лет — ровно столько, сколько была вдовой. Ей давно перевалило за шестьдесят, но первое, что бросалось в глаза при знакомстве с этой по-прежнему красивой женщиной, была осанка. Молодость, проведенная на подиуме, оставила ей горделивую посадку головы, откинутае назад плечи и уверенный, немигающий взгляд. Ее изогнутые, неизменно ярко-красные губы были скептически сжаты, в миндалевидных глазах поблескивала сталь. Миссис Дидра Родин обладала железным характером, ей можно было либо подчиниться, либо уйти.

Александр Родин предпочел последнее. Любовь уступила место сыновьему долгу вскоре

после смерти отца, и с тех пор регулярные, раз в месяц визиты объяснялись исключительно им.

Его отец — практикующий хирург и профессор университета Виктор Родин — был старше своей жены на восемнадцать лет. Они познакомились в больнице, куда двадцатилетнюю Дидру доставили с острым аппендицитом. Дежурным хирургом в ту ночь был Виктор. У поступившей наблюдался жар. Сильные рези внизу живота сгибали ее тонкую фигурку пополам. В любой момент мог случиться перитонит, и Виктор Родин приказал готовить операционную. Прodelавший эту операцию тысячу раз, он был хладнокровен и скор, и уже через час жизни молоденькой и такой симпатичной пациентки ничего не угрожало. Ее отвезли в реанимацию. Утром, перед тем как сдать дежурство, доктор зашел ее проведать. Девушка спала. Ее длинные белокурые волосы были разбросаны по подушке, в уголке полураскрытого рта застыла кристальная капелька слюны. Она была похожа на спящего ангела, так что Виктор Родин не решился ее разбудить. Вместо этого он сел на стоящий рядом с кроватью стул и стал ждать ее пробуждения. Красавица открыла глаза через два часа, и первым, кто это увидел, был улыбающийся незнакомец в белом халате.

Они встречались семь месяцев. Виктор ее обожал. На каждое свидание он являлся с охапкой белых роз. В дни, когда работа надолго задерживала его в больнице, цветы доставлял курьер. Его намерения были серьезны, и, выждав приличный срок, Виктор сделал предложение. Он подошел к этому по-старомодному строго: сначала официально попросил руки дочери у ее отца, и только потом, заручившись его согласием, опустился перед будущей женой на одно колено.

Родители Дидры зятя обожали. Замужество с еще нестарым, но уже уважаемым хирургом дало их дочери, окончившей свое образование вместе со школой, возможность перепорхнуть сразу через несколько социальных ступенек. Дидра была молода, миловидна, умна. Знаниями не блистала, но умела внимательно слушать и понимающе улыбаться. В их доме было уютно и всегда вкусно пахло. Коллеги мужа с удовольствием приходили к ним в гости. В такие вечера в доме зажигались все люстры, в столовой накрывался большой стол и оживленный разговор на профессиональные темы смешивался с ненавязчивыми мелодиями из проигрывателя.

С рождением сына картина счастья стала полной. Александру не было еще и месяца, когда его уже записали в элитную школу для мальчиков. Наследник Виктора Родина должен был получить

самое лучшее образование. Мальчик рос слабеньким и часто простуживался. Главный педиатр детского госпиталя — старый друг отца — посоветовал закаливания холодной водой, и семья купила второй дом на побережье. Теперь их сын мог купаться в океане круглогодично. Долгие заплывы с папой и мама, нервно выглядывающая их на берегу, так и остались для Александра самым ярким воспоминанием детства.

Модельная карьера Дидры окончилась с замужеством, и больше она никогда не работала. Дом, воспитание сына и участие в общественной жизни мужа (ставшего вскорости главой отделения абдоминальной хирургии) занимали все ее время. Она участвовала в благотворительных мероприятиях в больнице, входила в родительский комитет в школе сына, помогала в местной церкви. Дидра Родин была идеальной женой своего мужа и спустя двадцать лет после женитьбы, он любил ее еще сильнее, чем в день свадьбы.

Идиллия окончилась в одночасье, когда Александр учился на втором курсе университета. В то утро его вызвали в деканат к телефону, и мама срывающимся голосом попросила его приехать домой. Она не объяснила зачем, он побоялся спросить.

Папин инфаркт случился дома, по возвращению с ночного дежурства. По маминым

словам, он упал прямо на пороге спальни и больше не поднялся. Смерть веселого, жизнерадостного мужчины шестидесяти двух лет казалась абсурдом. И Александру оставалось только принять её как свершившийся факт. Он взял академический отпуск и посвятил его маме. Он хотел быть ее опорой и помощником. Хотел проводить с ней все время, чтобы боль утраты не терзала так её сердце. Но мама была против такой жертвы и через месяц заставила его вернуться к учёбе. Родин чувствовал себя преступником. Мамино одиночество не давало ему покоя, он звонил ей в каждом перерыве. И однажды даже сбежал с последней лекции. Он зашел в дом в тот самый момент, когда доктор Эдвард Вуд — папин коллега и друг — варил себе кофе. Он был одет в папин халат, на его голых ногах болтались папины тапочки. По непринужденности, с какой он доставал сахарницу, было件件, что делал он это не впервые.

От банальности ситуации Родину захотелось плакать. Он был готов обмануться, но появление из ванной разругавшейся полуодетой мамы лишило его последних иллюзий — это была устоявшаяся, долгоиграющая связь. В то злосчастное утро она стоила папе жизни, в этот раз — нанесла смертельный удар сыновьей любви.

Сегодняшняя их встреча была

немногословной. Миссис Родин читала субботний выпуск Херальд Сан, ее сын, окончив поздний завтрак, задумчиво водил пальцами по прозрачному фарфору чашки. Черная бездна эспрессо затягивала Родина в воронку прошлого и, не в силах отвести взгляд, он падал в неё все глубже и глубже.

— Что с тобой? — долетел до него голос матери. Оторвавшись от газеты, она с осуждением смотрела на него поверх очков.

— Устал. Жара доконала.

— Ну, если хочешь, можешь отдохнуть у меня пару дней.

Приглашение прозвучало без сердечности, и Родин отрицательно покачал головой.

— Нет, не могу, много работы. Кстати, ты не помнишь, куда делись мои школьные учебники?

Миссис Родин вскинула точеные брови:

— По-моему, в гараже есть коробка.

На ее лице было написано удивление, но объяснений не последовало. Александр допил кофе и прошел в гараж.

Там было жарко — за широкой металлической дверью бесчинствовало полуденное солнце.

Родин остановился перед стеллажом со старыми вещами и несколько секунд внимательно рассматривал эту громоздкую конструкцию. Потом отодвинул в сторону ящик с инструментами и увидел за ним большую зеленую коробку с

надписью «школа». Он содрал скотч, разгреб когда-то хаотично сброшенные грамоты и линейки и нашел то, что искал: толстую, исписанную до корочек тетрадь в клетку.

На его лбу выступил пот. С нежностью коснувшись истрепанной обложки, Родин ощутил прилив когда-то давно пережитого восторга. Он открыл наугад и начал читать.

Это был его студийный конспект времен старшей школы. Сюда неаккуратным юношеским почерком он переписывал доверенные ему роли, чтобы потом выучить их на память. Слева располагался текст, справа — комментарии. Руководителем театральной студии был мистер О'Кифи — учитель литературы. Его некрасивое, дерганое лицо было побито оспой, за что мальчишки дали ему кличку «Минное Поле». Мистер О'Кифи не любил свою основную работу и не переносил учеников — это стадо вонючих, глупых мальчишек. Вид молодых спортивных особей (а спорту в школе уделялось особое внимание) вызывал в нем брезгливость эстета. Запах густого пота был отвратителен, академическая неразвитость повергала в депрессию.

— Неужели никто из вас не знает кто такой «конкистадор»? — с беспредельным отчаянием спрашивал он молчаливый класс, и, не дожидаясь

ответа, начинал рассказы об этих обветренных солеными ветрами охотниках за добычей.

Мистер О'Кифи был резок, язвителен и высокомерен, и, наверное, навсегда запомнился бы таким, если бы однажды Родин не увидел его во время репетиции в школьном театре. Его глаза, маленькие, как у крота, горели такой мощью, что могли вырабатывать электричество; обычно тихий, лишенный какой-либо окраски голос громыхал, как гроза в середине лета.

Удивленный таким всплеском эмоций, Родин просунулся в приоткрытую дверь зала и попытался разобрать слова. Репетировали «Коварство и любовь», и Александр, увлекающийся немецким романтизмом, обрадовался, услышав знакомый текст. Он юркнул на ближайшее к выходу кресло и начал смотреть репетицию.

С упорством, достойным лучшего применения, мистер О'Кифи пытался добиться от старшеклассника, играющего Фердинанда, хоть какой-нибудь эмоции. Он кричал, просил, показывал сам, но крепкий, не по годам развитый парень только краснел и смущался. Помимо знакомых мальчишек, занятых в спектакле, на него во все глаза глядели девочки из родственной их школе женской гимназии. Их пригласили на женские роли, и теперь они с кокетливым любопытством рассматривали своих партнеров.